

Color Terms in the Idioms with the Meaning of Blessing and Curse in some Balkan Languages

In the course of convergent development, the peoples living on the Balkan Peninsula significantly influenced each other, borrowing numerous cultural and linguistic phenomena. Thus determined the formation of the Balkan cultural and linguistic landscape. It is interesting to analyse the idioms with the meaning of blessing and curse in the Balkan Slavic languages, in particular in Bulgarian, Macedonian and Serbian, in comparison with the non-Slavic Albanian language. The found correspondences demonstrate a high degree of interlingual and intercultural interaction of these neighboring peoples.

DOI: 10.31168/0459-6.35

К. В. Осипова (Екатеринбург, Россия)

Чай в языке и культуре Русского Севера¹

В докладе на примере русской диалектной лексики, связанной с чаем и чаепитием, прослеживается, как «чужой» для русской культуры продукт и традиция его употребления осваивается народной культурой и берет на себя символические функции, ранее характерные для других продуктов и напитков. Обращаясь к говорам Русского Севера — а это, прежде всего, Архангельская, Вологодская области и север Костромской, — мы видим, что на этой территории с чаем связана обширная группа лексики, текстов фольклора, элементов обрядов, верований, запретов, предписаний, этикетных формул и пр. Соответствующие сведения широко представлены в материалах Топонимической экспедиции Ураль-

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ №17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

ского университета, а кроме того, в диалектных словарях и этнографических источниках. Широта этих данных позволяет охарактеризовать народное отношение к чаю: представить локальные особенности его употребления, определить этикетные и социальные функции и пр.

Историко-этимологические источники говорят о том, что слово *чай* пришло в русский язык из севернокитайского *chā* (возможно, через тюркские языки) в середине XVII в. (Багриновский 2020: 1029; Черных 2002: 373). Культурная история чаепития начинается примерно в это время (об истории чая в России см.: Похлебкин 2019; Соколов 2010; Соколов 2012). Главное, что отличает чай от прочих безалкогольных напитков — не собственно его вкусовые качества или питательные свойства, но особая ритуальность, которой окружается питье чая как в элитарной, так и в народной культуре. Ни один другой напиток не становится в той же мере, как и чай, элементом народной этики, не обладает сходным набором социальных функций и параметров для оценки.

Поскольку чай стоил достаточно дорого, его пили преимущественно зажиточные крестьяне и жители городов и сел, расположенных на торговых путях (например, в Каргополе и Мезени). Будучи знаком роскоши, чай в то же время начинает ассоциироваться с неумеренностью и расточительством и воспринимается как пагубная привычка, пустое удовольствие, на которые уходят последние крестьянские деньги, ср.: «Напиться чаю два раза в день считается делом каждого крестьянина, хотя он и по миру ходит. Чай он ставит выше даже хлеба» (Грязовецкий уезд) (Тенишев 5/2: 37). Представление о чае как о пищевом излишестве определило его место в народной классификации блюд. В некоторых локальных традициях в посты и постные дни крестьяне отказывались и от чая, поскольку «пить чай есть большой грех». Негативная оценка чая была связана и с его дороговизной и непитательностью: потратив деньги на чай, крестьяне лишали себя сытной пищи, ср. волог. *Чаем сыт не*

будешь, арх. *чай горячий пил, а брюхо холодное* (о бесполезном действии). За любовь к чаю — пустому и непитательному напитку — жителей нескольких районов Архангельской области называли *водохлёбы*: «Тимошенцы — водохлебы, они чаю много пили»; «Нам уж обязательно надо чай — мы ведь водохлебы».

Организация чаепития. Чаепитие на Русском Севере становятся важным звеном в регуляции социальных отношений, а ритуалы общения за чаем вписываются в народную этическую систему. Об этом свидетельствует словообразовательная активность слова *чай* в севернорусских говорах и подробная семантическая детализация лексики, связанной с чаем и чаепитием, ср. костром. *чайничать*, арх., волог. *чаевать* ‘пить чай’, волог., костром. *бочёрничать* ‘пить чай и разговаривать’, арх. *чаёвник* ‘любитель чая’, арх. *чайная гостья* ‘о женщине, пьющей много чая в гостях’ и др. С чаем связаны многие элементы застольного этикета: пьющих чай приветствовали *чай-сахар!* (волог.), *чай да сахар!* (волог., костр.) и др.; эти и другие примеры подтверждают сходство символических функций *чая* и *сахара* и *хлеба-соли*.

Ритуальное угощение чаем нередко строилось подобно угощению спиртными напитками: при чаепитии каждая выпитая чашка могла носить особое название, а ритуальные формулы-приглашения выпить следующую рюмку напоминают уговоры выпить вино, ср.: «Выпей на вторую ногу — хромать не будешь» (волог.). Правила этикета предполагали, что чашка с чаем, как и рюмка вина, выпивается до конца, ср. волог. *пей-пей, да и жопку покажи* (призыв допить до дна и перевернуть чашку вверх дном). Регламентации касались объема наполнения чашки и предписывали наливать чай до краев (волог. *чай с клиньём* или арх., волог. с *калошами*), иначе жених или невеста будут толстогубыми (арх., костром.). Неполная чашка чая говорила о скупости хозяина («Не дольёшь, так скуп, перельёшь, так глуп»), полная же сулила богатство (арх.).

Качество чая. Среди семантических идеограмм, определяющих качество чая, в севернорусских говорах встречаются «холодный чай» (арх. *мёртвый*, волог. *как покойника целуешь*), «слишком жидкий чай» (волог. *поп (батюшка) ноги мыл*, арх. *Москва и Вологда видать*, арх. *Шенкурск видать*), «слишком крепкий чай» (волог. *(как) дёготь, чай в оглоблю*), «чай без сахара / без закуски» (волог. *пустой чай*, волог. *голая вода*, арх. *чай с дуем*, волог., костром. *с языком*, волог. *с таком*). В семантико-мотивационном отношении эти семантические группы близки наименованиям некачественной, неудачно приготовленной пищи² — подгоревшей, подкисшей пищи, пустых похлебок, неподнявшегося хлеба, пирогов без начинки и пр.

Чай в семейных обрядах. На свадьбе чай входил в основное ритуальное угощение наряду с вином, пивом и хлебом-солью. После того как родители невесты и сваты договаривались о свадьбе, на стол выставляли чай и различные сладости, орехи, пряники и пр.; за чаем начинался разговор о приданом (волог.). По умению невесты разливать чай и угощать гостей — *чашичатъ* (волог.) — на смотринах судили о ее социальных и хозяйственных навыках. Чаем невеста потчевала гостей, приглашенных на девичник, а чай, сахар и другие лакомства в качестве гостинца привозил жених: «Привози ко добрый молодец / Уж ты чаю и сахару, / Уж ты пивушка пьяного / И вина да зеленаго» (Вологодский уезд). Несколько раз в день свадьбы чаем угощали жениха и невесту: чай пили после венчания и утром после свадьбы. В свадебном обряде чай взял на себя некоторые символические функции спиртных напитков: как и пивом, и вином, чаем встречали, чествовали гостей, скрепляли договоренности: этот символический параллелизм чая и вина закрепился, например, в обрядовом термине *чайник* — виночерпий на свадьбе (Устюженский район)

² См. подробнее (Березович, Осипова 2014).

(КСГРС). Обычно совместное употребление чая и спиртных напитков в рамках одного обряда: чай и водку подавали роженице после родов; чаем и водкой угощали священника после крестин (волог.); чаем, пивом и водкой зажиточные крестьяне угощали «помочан» — участников обряда взаимной помощи (волог.).

В фольклоре неудачное, бедное чаепитие символизируют неудачу в любви, ср.: «Чай пила, чашку разбила, / Сахарочик подмочила. / Сахарочек подлитой, — / Мой-от милой занятой» (волог.).

На большей части Русского Севера чай, появившийся у крестьян только в XIX в., был напитком не повседневным, но праздничным, угощение чаем входило в этикетный минимум встречи гостей. Чай отличала особая церемониальность употребления, которая отмечалась и крестьянами. Чай приобрел функции социальной регуляции: служил знаком согласия, договоренности, за чаепитием проверялись социальные навыки и отношения. Чай взял на себя ритуальные функции некоторых напитков (например, вина и пива), а также отдельные символические функции хлеба и хлеба-соли, образовав функционально близкую пару *чай* — *сахар*. Нередко чай противопоставлялся хлебу как пустой и несытный продукт, символ роскоши и излишества.

Литература

- Черных 2002 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002.
- Багриновский 2020 — *Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
- Березович, Осипова 2014 — *Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
- Соколов 2012 — *Соколов И. А.* Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг.: [монография]. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2012.

- Соколов 2010 — *Соколов И. А.* Чай и чайная торговля в Российской Империи в XIX — начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Похлебкин 2019 — *Похлебкин В. В.* Чай. Его типы, свойства, употребление. М.: Эксмо-Пресс, 2019.
- Тенишев 5/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.

Tea in Language and Culture of the Russian North

In the work on the material of vocabulary, as well as rituals, beliefs and folklore of the Russian North, the symbolics and ritual functions of tea and tea drinking in folk culture are reconstructed. The place of tea in the diet, the organization of tea drinking are considered; reveals the parameters by which the quality of tea is assessed and functions of tea in family rituals. Drinking tea in folk culture acquires a special ceremoniality and often performs the functions of social regulation: social skills are tested during tea drinking and social relations are built. In family rituals, tea takes on the symbolic functions of wine and beer, bread and bread and salt, forming a functionally close “tea-sugar” pair. Often, tea is opposed to bread as an empty and non-nutritious product, a symbol of luxury and excess.